

Фельдман А.

Новое возрождение: Генри Мур и гуманизм

Рассматривается творчество выдающегося скульптора XX века Генри Мура.

Ключевые слова: скульптура, модернизм, творчество, городская скульптура, гуманизм.

В одном из своих небольших альбомов для зарисовок 1950-х гг. Генри Мур признается: «Я отдал бы все за то, чтобы наделить свои скульптуры такой же человечностью и серьезностью, достоинством и многоопытностью, принятием жизни, индивидуальностью и аристократизмом. Без всяких ужимок, манерности, смущения она глядит вперед, недвижима, но куда живет любого живого человека». Он писал об открытке, которую хранит у себя в студии, с изображением египетской статуэтки времен XVIII династии из Археологического музея Флоренции. Высеченная из камня женщина пристально смотрит на зрителя, полная уверенности и неподвластная времени. Ее рука обхватывает тело, создавая ощущение хрупкости и ранимости. Именно этот контраст между уязвимостью человечества и вечностью, типичный для работ Мура, заставляет зрителя переосмыслить место гуманизма в современной культуре. Генри Мур наполняет современное искусство аллюзиями на общее прошлое человечества, вне зависимости от того, относится ли

оно к древним европейским и мировым культурам, археологическим памятникам или итальянскому Возрождению.

Генри Мур начал карьеру скульптора, уже будучи ветераном войны. Девятнадцатилетним юношей он попал в окопы Первой мировой, и среди четырехсот бойцов своего батальона оказался одним из немногих выживших во время газовой атаки в битве при Камбре во Франции. После выздоровления он получил стипендию для участников войны и начал учиться на скульптора в Лидсе, а с 1924 г. работал и преподавал в Королевском художественном колледже в Лондоне. Его военный опыт, о чем редко упоминается, вполне мог побудить его к поискам тех форм в искусстве, посредством которых можно было бы выразить жизненную силу человека. Концепция «верности материалу», практиковавшаяся такими его коллегами-скульпторами, как Анри Годье-Бжеска, Джейкоб Эпстайн и Эрик Гилл, прежде всего заключалась в том, что формы скульптуры должны отражать физические свойства и форму камня или дерева, из которого она высечена. Вопреки всей истории европейской скульптуры—мрамор не должен был выглядеть как плоть. Однако изучение памятников античного искусства и в XX в. оставалось ядром системы образования в высших художественных учебных заведениях Великобритании. Генри Мур быстро отказался от использования механических способов копирования беленых гипсовых образцов греческих и римских статуй из коллекции Королевского колледжа искусств: ему хотелось взять в руки резец и, чувствуя сопротивление камня, высекать из него форму.

Таким образом, в коллекциях Британского музея сильнейшим источником вдохновения для Генри Мура на раннем этапе его творчества послужили образцы отнюдь не западного искусства. Первый раз придя в музей, он испытал невероятное, поистине физическое потрясение. В неопубликованных заметках 1934 г. он признается:

«Когда я приехал в Лондон и первый раз оказался в музее, я почувствовал себя как изголодавшийся человек, в личном распоряжении которого оказался бакалейный отдел универ-

мага Селфридж». А в письме, датированном 1924 г., Мур пишет: Вчера после обеда я вновь был в Британском музее, в отделе египетской и ассирийской скульптуры, и за час до закрытия заставил себя оттуда уйти, чтобы немного поизучать, что у них есть еще, и в этнографической галерее обнаружил поразительные негритянские скульптуры, а в тот миг, когда музей уже должен был закрыться, натолкнулся на зал японской гравюры—истинное наслаждение. До чего же хорошо в Лондоне!».

На следующий год Генри Мур получил стипендию для поездки в Италию: выбрать другую страну он не мог и поначалу не хотел ехать. Мур побывал в Риме, Флоренции, Пизе, Сиене, Ассизи, Падуе, Равенне и Венеции. Он рисовал итальянские пейзажи и делал этюды, в основе которых лежали произведения Джотто, Мантеньи, Мазаччо, Микеланджело, Пизанелло, Рафаэля. Синьорелли, Уччелло и многих других. Этот глубоко созидательный опыт, как психологический, так и визуальный, нашел отражение в его работах, сразу после возвращения из Италии, хотя сам Мур утверждал, что вплоть до того, как он начал делать рисунки бомбоубежищ, путешествие в Италию никак не сказывалось на его творчестве. Он писал: «Никогда еще я не чувствовал себя таким несчастным. Результаты шестимесячного приобщения к шедеврам европейского искусства вступили в жестокий конфликт с моими прежними идеалами. Казалось, я не могу ни избавиться от новых впечатлений, ни использовать их так, чтобы мне не пришлось отказаться от всего того, во что я искренне верил прежде... и, пожалуй, до тех самых пор, пока я не начал рисовать в бомбоубежищах во время войны, я не мог со спокойной душой использовать в своем искусстве то, чему научился во время путешествия в Италию, не мог без угрызений совести соединить средиземноморский подход со своим интересом к более простым представлениям, характерным для древних и примитивных культур. Я чувствую, что до сих пор не изжил этого конфликта. И не перестаю себя спрашивать: неужели я обязан своим творчеством именно этому конфликту, или в конечном итоге мне удастся прийти к синтезу?»